

Б. К. ГАННИБАЛ

*(Ботанический институт имени В. Л. Комарова РАН;
Санкт-Петербургский Союз учёных; Санкт-Петербург)*

РУКОПОЖАТИЯ РЕРИХА: АДРЕСА НА ПЕТРОГРАДСКОЙ

– Вы слышите голоса или шаги Рериха ночью в музее?

– Нет?

– Тогда зачем Вы здесь?

Из обращения посетительницы
усадыбы Н. К. Рериха к сотруднику музея

Такой вопрос действительно был задан, и не кому-то, а мне самому, когда я некоторое время работал научным сотрудником в известном Музее-усадыбе Н. К. Рериха в посёлке Извара. Как человеку атеистических взглядов, далёкому от мистики, отличающемуся здоровой психикой и крепким сном, а тем более как служащему государственного учреждения, ответить на вопрос посетительницы мне не составило труда. И можно было бы забыть этот курьёзный случай, однако он превратился в повод подумать о том, почему и как Рерих присутствует в моей жизни. Я действительно натываюсь на его «следы», и таких меток со временем становится всё больше, притом, что я не занимаюсь ни философией, ни художественным творчеством, ни историей как таковой. Объяснить феномен можно просто, хотя он связан со сложнейшим механизмом работы нашего мозга, с особенностями восприятия информации. Один раз появившийся интерес к объекту, тут же поощряется мозгом заметным усилением внимания ко всему, что так или иначе связано с этим интересом. Мозг дружелюбен нам и готов помочь развитию своего хозяина. Как бы вдруг, он начинает ловить нужную информацию, что называется «из воздуха», вычлняя её среди текстов, казалось бы, далёких от этой темы, улавливая из радио- и телепередач, из случайных разговоров, замечая её там, где её, казалось, не должно было быть. Интерес – особая форма пред-активности и даже, как сказали бы биологи, преадаптации, часто не имеющая очевидных стимулов, заставляющая людей погружаться, идти, лететь в неизведанные глубины, дали и высоты, в столь разнообразное и загадочное Неизвестное. Именно таким образом происходит расширение сознания, которое делает человека по-настоящему богаче. О нём, как одном из смыслов, говорили и продолжают рассуждать мудрецы, в том числе и сам Н. К. Рерих. Вспомним о широте его интересов, в результате чего авторы текстов каждой памятной доски оказываются перед проблемой выбора допустимых в таком случае двух, максимум трёх основных ипостасей его деятельности из потенциальных полутора десятков. В Петербурге мы ходим по следам его увлечений и задумок, забот и многочисленных дел, встреч с коллегами и близкими людьми, не зная об этом до поры до времени. Но вдруг пространство нашей собственной жизни пересекается в какой-то точке с его пространством, и начинаешь ощущать близость к этому человеку и готовность к его рукопожатию¹ через предметы, дома,

людей его знавших... Как уроженец и житель Петроградской стороны Санкт-Петербурга, я буду говорить только о некоторых местах этой старой части города, где мне самому пришлось испытать связь соответствующих времён и событий. Это разговор не о духовной связи с Рерихом, да и его следами это не назовёшь... Это именно мои с ним рукопожатия через конкретных людей его круга и, прежде всего, учеников школы К. И. Мая.

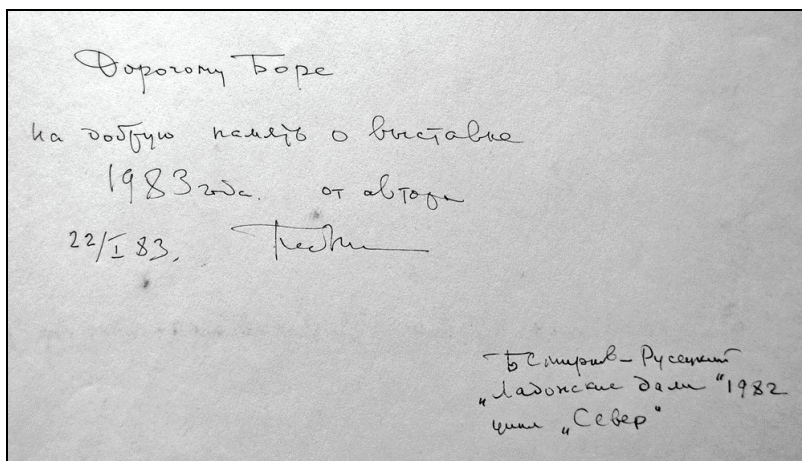
* * *

После окончания Ленинградского университета в 1974 году я, согласно распределению, оказался в Забайкалье, в городе Улан-Удэ. В стране и мире отмечался юбилей Н. К. Рериха, но о нём я узнал только тогда, когда в июне 1975 года попал на большую и яркую выставку Святослава Рериха. После Москвы и Ленинграда, юбилейные выставки произведений самого Николая Константиновича переместились в Новосибирск и Томск, а столицу Бурятии наградили возможностью увидеть картины сына. Мне хватило впечатлений и от этого. Первый звоночек интереса к Рерихам прозвучал. В августе того же года я вернулся в Ленинград и одним из самых запомнившихся мне событий за проведённый в Сибири год была именно эта выставка в Улан-Удэ.

С 1976 года я уже был сотрудником Отдела геоботаники Ботанического института АН СССР (далее – *БИН*), постоянным участником экспедиций в республики Средней Азии, где подружился с Игорем Ковалевским, впоследствии известным гитаристом – исполнителем и аранжировщиком. В Ленинграде он жил с родителями в принадлежавшем БИНу двухэтажном доме общежитского типа на Инструментальной улице (дом 1). И именно туда в начале 80-х годов я был как-то приглашён на необычное мероприятие – просмотр картин, как было сказано, одного московского художника. Автором картин, которые по очереди выставлялись на стул перед небольшим числом зрителей – друзьями семьи – оказался **Борис Алексеевич Смирнов-Русецкий** (1905—1993). Каждый год, отправляясь из Москвы по следам Н. К. Рериха в Карелию, в любимую им Сортавалу, в ладожские шхеры, он останавливался на пару дней в ещё более любимом им Ленинграде (ведь здесь он родился, здесь через несколько лет и закончит свой земной путь). Одним из адресов, куда он приходил, был дом Ковалевских. Но появлялся здесь он не только проездом, в мае или июне, но и оказываясь иногда в связи с выставочными делами в другое время.

В своём дневнике 2 февраля 1983 года он записывает: «С 15 по 22 января провёл в Ленинграде <...>. Встречи с артистами, беседы о Рерихе. Показ работ в воскресенье. А в понедельник – организация выставки в БИНе (главная цель поездки). Выставка маленькая, всего 32 работы: 7 из цикла “Прозрачность”, 7 – “Космос” <...>»².

Вот именно эти самые работы Игорь и я развешивали накануне в Актовом зале института под руководством Бориса Алексеевича, впервые в жизни участвуя в важнейшем и почти святом для художников действе. Пришедших зрителей сопровождала негромкая красивая музыка, что стало потом для выставок художника обычным делом. Борис Алексеевич не только поблагодарил нас за помощь, но подарил каждому по своему этюду.

Ил. 1–2. Б. А. Смирнов-Русецкий. Ладожские дали. (Цикл «Север»). 1982
Бумага, пастель. 24 × 39. Подарок художника автору статьи,
о чём свидетельствует авторская надпись 22 января 1983 года на обороте

Тогда же Борис Алексеевич отмечал: «Как красивы были заснеженные деревья Ботанического сада и набережная Карповки, со ступенями, спускающимися к чёрной воде, и тускло мерцающее небо <...>. Зимой Ленинград как-то особенно близок и эти места хранят тайну прошлых лет».

Встречи на Инструментальной повторялись. Я уже привык к просмотру картин «на стуле», когда несколько минут все молча глядят на изображённые камни, лишайники, цветы, берега Ладоги, небо, а потом тихо беседуют или слушают автора, что-то разъясняющего. Теперь я уже понимал и ощущал многое, в том числе близкую духовную связь Смирнова-Русецкого и Рериха. Кстати, внешне он очень напо-

минал Святослава Николаевича. В Дневниках Борис Алексеевич описывает не только события, но и свои сны, в которых постоянно разговаривает с кем-нибудь из Рерихов (он был знаком со всеми членами семьи, писал биографию Ю. Н. Рериха). Чувствуя самую тесную близость на самом, как он пишет, «тонком» уровне, Борис Алексеевич только в конце жизни с удивлением и радостью отметил, что наконец-то его стали воспринимать как последователя Николая Константиновича. Хотя формально его учеником он не был. Познакомились они летом 1926 года, во время загадочного появления Рериха в Москве, на время прервавшего его Центрально-азиатскую экспедицию, и виделись, как он пишет, «пять или шесть раз». В 1927 году с подачи Николая Константиновича на выставке в художественном центре «Сорона Мунди» при Музее Рериха в Нью-Йорке среди 13 работ членов группы «Амаравелла» (в переводе с хинди «ростки бессмертия») оказались и две работы самого Смирнова-Русецкого: «Дерево» и «Гора Света»³. А подаренная мне постель с изображением Ладожского озера с островами (из цикла «Север») [ил. 1–2] и сейчас висит у меня дома прямо над рабочим столом в квартире на Большой Зелениной.

Интересно, что этот дом № 28 на Большой Зелениной улице, куда я с семьёй переехал осенью 1983 года, оказался тоже определённым образом связан с Н. К. Рерихом. Доходный дом **герцога Николая Николаевич Лейхтенбергского** (1868—1928) [см. ил. на с. 196], построенный в 1905 году, хорошо известен краеведам и историкам архитектуры города [ил. 3–5]. В 2001 году он был включён в «Перечень вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность». Как пишут авторы статей в справочниках и сети Интернет, «это первая крупная постройка зодчего **Фёдора Фёдоровича (Фридриха Августа) фон Постельса** (1873—1960). Она стоит в ряду самых оригинальных произведений петербургского модерна». Обращаясь к личности этого архитектора, легко установить, что это тот самый Постельс, который был буквально однокашником Николая Константиновича в гимназии К. И. Мая. Вместе они в ней учились, одновременно с ещё 8 учениками в 1893 году сдавали выпускные экзамены. В характеристике, выданной для поступления в Академию художеств и подписанной директором школы **Василием Александровичем Кракау** (1857—1935), сказано: «Постельс Фридрих, сын Действительного Статского советника, получающего пенсию. Юноша вполне выдержанный, скромный, работающий всегда чрезвычайно усердно и крайне добросовестно исполняющий свои обязанности. Политически вполне благонадежен»⁴. Отец «благонадежного» Постельса преподавал в гимназии математику и ставил Рериху по этому предмету далеко не самые хорошие оценки. Младший Постельс, закончив, как и Николай Константинович, Академию художеств (в 1900 году по мастерской Л. Н. Бенуа), стал, в отличие от художника Рериха, архитектором. Кроме дома на Большой Зелениной улице, центрального произведения в стиле модерн, он довёл до постройки и спроектировал ещё больше сотни жилых и промышленных зданий в Петербурге и Петрограде, Сестрорецке, а также в Москве. Семья обитала недалеко от описываемого дома в собственном особняке на Каменном острове. В 1918 году Ф. Ф. Постельс покинул город, а в 1920 году уже из Крыма перебрался в Америку и оставшуюся жизнь про-

вёл в Нью-Йорке. Благодаря хорошей школе и тому, что биографы называют «дисциплиной духа» он проявлял себя и там как специалист и ученый. Оставаясь глубоко русским человеком, в конце 1930-х годов он поддержал созданный в Праге **он** Русский культурно-исторический музей при Свободном Русском университете, стал его членом-корреспондентом в США⁵, долгое время выполнял обязанности представителя в Америке Общества по охранению русских культурных ценностей, организованного Д. П. Рябушинским в 1946 году в Париже. Его перу принадлежит сборник биографий 40 русских архитекторов, оказавшихся в американской эмиграции. В некрологе, написанным, вероятно, его учеником, были такие строки: «Есть в эмиграции и удивительно оригинальные и талантливые по природе натуры, богатые духовной насыщенностью. К числу таких людей принадлежал Фёдор Фёдорович де Постельс. Природа щедро одарила его талантами живописца <...>»⁶. Среди заслуг упоминаются созданная им школа живописной архитектуры, многочисленные работы по перспективе, его общественная деятельность. Но всего этого ему было мало, «он интересуется философией и наукой», посвящая много времени созданию «универсально плана человеческого знания». Сразу вспоминается задача, которую поставил себе Н. К. Рерих ещё в гимназии – познать смысл всех наук. Другими они не были, но сходство взглядов и судеб определённо.

Совершенно замечателен фасад дома на Большой Зелениной с затейливым декором, но выделяют его среди построек начала века благодаря необычному мозаичному фризу.

Помню, в первые годы моей жизни в доме художника, снимавшие в нём верхние этажи под мастерские (таковые с высокими потолками и огромными окнами были предусмотрены ещё при проектировании) высказывали разные версии того, кому принадлежит идея и авторство картин межоконных мозаичных панно на пятом этаже дома. Сомневаться же в том, где делали смальту, не приходилось – знак «Ф» на правой картине с морским сюжетом чётко отправлял в известную мастерскую Фроловых на Васильевском острове. **Владимир Александрович Фролов** (1874—1942) был потомственным мозаичистом и зятем Леонтия Николаевича Бонуа. Как ровесник Н. К. Рериха, он в одни с ним годы учился в Академии художеств. И в дальнейшем у них был общий круг знакомых, не раз Рерих обращался к колле-

Ил. 3–5. Фасад и внутренний двор дома № 28 по Большой Зелениной улице. Стиль модерн. 1905
Архитектор Ф. Ф. Постельс. Автор мозаик С. Т. Шелковый. Фотографии 2014 года

ге, когда надо было воплотить свои идеи в технике мозаики. Таким образом, в этом доме соединились судьбы и творческие замыслы людей, очень близких Николаю Рериху. В 2013 году весь дом подвергся косметическому ремонту, и теперь достойно выглядят все его части, включая стены, обращённые во внутренние дворы-колодцы (фасад был отреставрирован ранее).

Картины, выполненные смальтой, и сейчас остаются неповторимыми по замыслу и техническому исполнению (сложены из очень крупных кусков, не имеют традиционных обрамлений и заполняют всю свободную поверхность верхнего этажа). Изображения сельскохозяйственных, промышленных, морских ландшафтов больше нигде на зданиях города не встречаются. Долгое время предположения в отношении их автора были разными – от Рериха до Петрова-Водкина. Сейчас уже установлено, что им был **Сергей Тимофеевич Шелков** (или Шелков). Кроме неопределённости с фамилией, до сих пор неизвестны подробности жизни этого бедного (был вольнослушателем в Академию художеств, учился долго и получал, вероятно, помощь Благотворительного фонда великой княгини Ольги Алексеевны), но очень способного мастера живописи. Работал он в мастерской В. А. Фролова и, наверное, был хорошо знаком Николаю Константиновичу. Кроме мозаичных картин на доме 28 по Большой Зелениной, известно ещё два монументальных произведения С. Т. Шелкова, одно из которых чем-то сближает его с Рерихом, другое связывает с ещё одним «майским жуком» – Г. Д. Гриммом.

Первая работа – это майоликовое панно «Спас Нерукотворный» в тимпане крыльца Церкви преп. Серафима Саровского в селе Федино (у города Воскресенска в Московской области). Храм выстроен в 1912 году из кирпича с применением в конструкциях кровли железобетона и представляет собой, как пишут, «образец стиля модерн в его неорусской интерпретации». Точно в это же время Н. К. Рерих создаёт известный мозаичный образ своего Спаса Нерукотворного над крыльцом построенной в начале XX века в неорусском стиле церкви Святого Духа в имении М. К. Тенишевой под Смоленском Талашкино. Такие удивительные параллели.

Вторая работа, тоже религиозного содержания, связана с Церковью Воскресения Христова на набережной Обводного канала у бывшего Варшавского вокзала. Возводилась она с 1904 по 1908 годы Обществом распространения религиозно-нравственного просвещения по проекту архитектора Г. Д. Гримма. Храм тоже сочетает черты модерна и русской архитектуры (дань времени), а его западный фасад украшает образ «Воскресение Христово», написанный в 1909 году художником С. Т. Шелковым.

* * *

Что касается **Германа Давыдовича Гримма** (1865—1942), то он известен не только как знаменитый ученик гимназии К. И. Мая (выпуск 1883 года, когда Николай Рерих туда только поступал), академик архитектуры, но и как автор проекта нового здания своей альма-матер на 14-й линии Васильевского острова, рассчитанного специально под школьные нужды (построено в 1910 году). Однако мало кто знает, что проект такого рода был не первым на его творческом пути. Ещё раньше, а именно в 1905 году, на Петроградской стороне в новое здание въехала Петровская женская гимназия, до этого 40 лет не имевшая своего помещения. По-

Ил. 6 и 7. Общеобразовательная школа № 47 им. Д. С. Лихачёва Петроградского района Санкт-Петербурга. Архитектор Г. Д. Гримм. 1905. Фотографии 2013 года

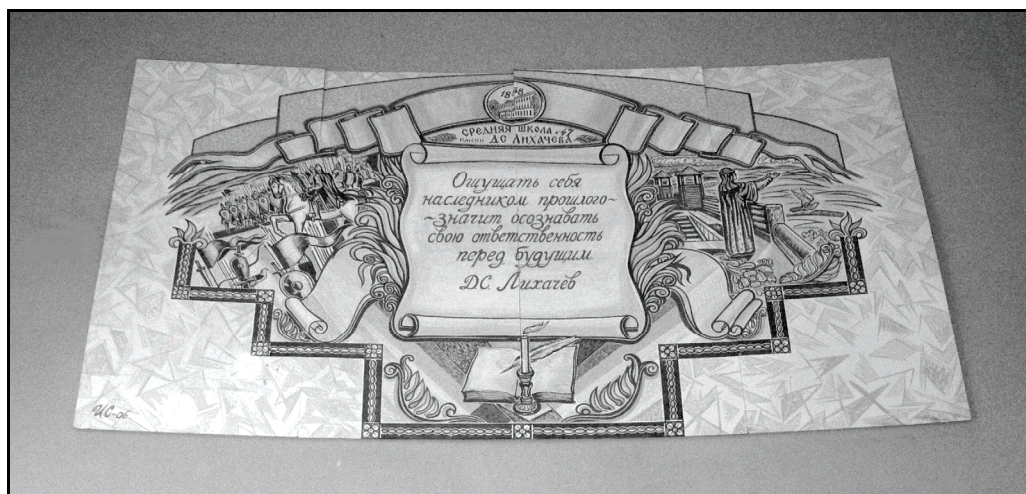
строили его на Плуталовой улице, дом 24, по его проекту [ил. 6–8]. Улицу при этом продлили до Большого проспекта Петроградской стороны, и в этом пространстве между Плуталовой и Бармалеевой улицами академик возвёл ещё и доходный дом, в котором сам и поселился.

Прошло немного времени и в 1919 году в эту, уже Единую советскую трудовую школу № 10, объединившую Петровскую гимназию со школой Лентовской, перешёл после переезда семьи на Петроградскую сторону (ул. Лахтинская, д. 9) из гимназии и реального училища К. И. Мая **Дмитрий Сергеевич Лихачёв** (1906—1999). Будущий академик закончил её в 1923 году, а с 2000 году эта ныне школа № 47 носит его имя. Д. С. Лихачёв вспоминал: «Меня перевели поблизости в школу Лентовской на Плуталовой улице. И снова я попал в замечательное училище. Сравнительно со школой Мая “Лентовка” была бедна оборудованием и помещениями, но была поразительна по преподавательскому составу. Школа образовалась после революции 1905 года из числа преподавателей, изгнанных из казённых гимназий за революционную деятельность. Их собрала театральный антрепренер Лентовская, дала денег и организовала частную гимназию, куда сразу стали отдавать своих детей левонастроенные интеллигенты. Между учениками и преподавателями образовалась тесная связь, дружба, “общее дело”. Учителям не надо было наводить дисциплину строгими мерами. Учителя могли постыдить ученика, и этого было достаточно, чтобы общественное мнение класса было против провинившегося и озорство не повторялось. Нам разрешалось курить, но ни один из аборигенов школы этим правом не пользовался»⁷.

На самом деле школа № 47 ведёт своё начало с 1858 года, от «Петербургского училища для приходящих девиц», что вначале располагалось у Троицкого моста, а это значит, что она всего на два года младше своей более знаменитой «сестры» на Васильевском острове. Как и в помещении бывшей гимназии К. И. Мая, в школе на Плуталовой улице есть свой музей (существует с 2003 года), разместившийся в одном из кабинетов, где отдельная экспозиция посвящена Д. С. Лихачёву (в музее на

Васильевском острове академик Лихачёв «делит» комнату с академиком Рерихом). Эту школу в 1964 году заканчивал и я, проучившись там три года. В то время в политехнической одиннадцатилетней школе им. К. Д. Ушинского (его имя школа, не прекращавшая работу всё время блокады Ленинграда, получила в 1945 году) учились ребята только старших классов – от «А» до «И». Она тоже может гордиться своими выпускниками: это поэт-маринист Сергей Колбасьев, обэриуты (члены Объединения реального искусства – последней группы авангарда в России, оригинальной русской поэтической школы Серебряного века наряду с символизмом, футуризмом и акмеизмом) Александр Введенский, Яков Друскин и Леонид Липавский, писатель Г. И. Матвеев (автор блокадной трилогии «Тарантул», «Зелёные цепочки» и «Тайная схватка», повестей «Семнадцатилетние» и «Новый директор», действие которых разворачивается в этой школе), дирижёр Карл Элиасберг (руководитель блокадного Большого симфонического оркестра Ленинградского радиокомитета), математик С. Л. Соболев (его имя носит Институт математики СО РАН) и многие другие, среди которых можно упомянуть и известного эрудита Александра Друзя. В 2001 году здание школы вошло в список вновь выявленных объектов истории и культуры.

Присутствие Н. К. Рериха в моей жизни не ограничивается только Ленинградом и Петербургом. Это и участие в биогеографических научных экспедициях по маршрутам Рерихов в Западных Гималаях (Индия), уже неоднократное посещение их усадьбы в Наггаре (штат Химачал-Прадеш), работа в Музее-усадьбе Н. К. Рериха в Изваре и другое, но всё это результат «взрослых» шагов – обдуманых и целенаправленных. Я же рассказал только о тех ключевых в моей жизни местах – доме, где живу, школе, которую заканчивал, и основном месте работы – там, где связь с Рерихом была далеко неочевидна и до поры мне неизвестна. Петербургские удивив-

Ил. 8. Общеобразовательная школа № 47 им. Д. С. Лихачёва Петроградского района
Баннер 2006 года с цитатой Д. С. Лихачёва над лестничным маршем. Фотография 2013 года

тельные совпадения, пересечения не требуют эпитетов «чудесные» или, тем более, «мистические», вполне можно обойтись и без термина «судьба». Знания, интерес и любовь к жизни – всё, что требуется для приобретения ощущения своей причастности, в данном случае, к Н. К. Рериху и другим замечательным участникам исторического процесса и творцам ныне сущего. Наше пространство жизни находится внутри нас, и расширить его можем и делаем это только мы сами.

ПРИМЕЧАНИЯ

---

¹ **Правило или теория «шести рукопожатий».** В 1969 году американские психологи **Стэнли Милгрэм** (англ. **Stanley Milgram**) и Джеффри Трэверс (англ. **Jeffrey Travers**) выдвинули гипотезу о том, что каждый человек опосредованно знаком с любым другим жителем планеты через недлинную цепь общих знакомых. Эксперименты и математические расчёты показали, что в среднем эта цепочка состоит из шести человек. Понятно, что число звеньев связи между людьми разных эпох удлиняется, но не много.

² *Смирнов-Русецкий Б. А.* Дневники. Письма. – Одесса: Астропринт, 2012. – С. 102–103.

³ Corona Mundi International Art Center. International exhibition. March 5th to April 5th 1927: Catalogue of paintings. – New York, 1927. – P. 3.

⁴ Общества друзей Школы Карла Мая «Майский жук». – Сайт в сети Интернет. – Режим доступа (1 октября 2015): http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=2542.

⁵ *Левашко С. С.* К истории архитектурного отделения Русского культурно-исторического музея в Праге (1936–1944) // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. VIII: Н. К. Рерих и его современники. Архитекторы и архитектура; Восток глазами Запада. – СПб., 2011. – С. 230.

⁶ *Кириллов А. Ф.* Ф. де Постельс. Зодчие – выходцы из России: их роль и работы в Соединенных Штатах Северной Америки // Краеведческие записки. Исследования и материалы. – СПб., 1995. – Вып. 3. – С. 79–80.

⁷ *Лихачёв Д. С.* Воспоминания. – СПб.: Logos, 1995. – С. 101.